

КЛАССИФИКАЦИЯ СОУЧАСТИЯ: ФОРМЫ, ВИДЫ, ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена классификации соучастия по формам и видам, а также ее уголовно-правовому значению. В работе рассмотрены основные точки зрения в науке уголовного права на проблему классификации соучастия. Выявлены критерии, используемые в доктрине и судебной практике для классификации соучастия по формам. Сформулировано определение понятия «форма соучастия». Исследованы нормы института соучастия по действующему российскому уголовному законодательству и дана авторская классификация всех возможных вариантов совместного совершения преступления с точки зрения их формы и видов. Выделено пять форм соучастия, предусмотренных Общей частью УК РФ:

- 1) соучастие с распределением ролей;
- 2) группа лиц;
- 3) группа лиц по предварительному сговору;
- 4) организованная группа;
- 5) преступное сообщество (преступная организация).

Также выделено 10 видов соучастия, закрепленных в Особенной части УК РФ.

Пять видов организованной группы:

- 1) террористическая организация (ст. 205.5 УК РФ);
- 2) незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ);
- 3) банда (ст. 209 УК РФ);
- 4) некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ);
- 5) экстремистская организация (ст. 282.2 УК РФ).

Пять видов преступного сообщества:

- 1) террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ);
- 2) структурированная организованная группа (ч. 1 ст. 210 УК РФ);
- 3) объединение организованных групп (ч. 1 ст. 210 УК РФ);
- 4) собрание организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп (ч. 1 ст. 210 УК РФ);
- 5) экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ).

Рассмотрены недостатки норм уголовного закона, посвященных квалификации соучастия, и судебной практики их применения. Исследованы разъяснения высшей судебной инстанции о назначении наказания по делам о соучастии. Проанализировано значение авторской классификации для уголовно-правовой оценки преступления, в том числе для квалификации преступлений, совершенных в соучастии, и для назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии. Автором сделаны предложения по изменению

© Клименко Ю. А., 2016

* Клименко Юрий Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

yuriiklim@yandex.ru

123995, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская, д. 9

норм Уголовного кодекса РФ, призванные уточнить правила квалификации групповых преступлений. Также сделаны предложения по усовершенствованию разъяснений Верховного Суда РФ, посвященных толкованию норм о назначении наказания за групповые преступления, в целях справедливой индивидуализации наказания соучастников.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, классификация соучастия, формы соучастия, виды соучастия, виды соучастников, группа лиц, организованная группа, преступное сообщество, уголовно-правовая оценка, квалификация преступлений, назначение наказания, характер общественной опасности, степень общественной опасности, институт соучастия.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.156-168

Классификация соучастия по формам и видам является одной из сложнейших проблем учения о соучастии. В специальной литературе освещение форм и видов соучастия носит крайне запутанный и противоречивый характер, порой практическая применимость теоретических положений приносится в жертву их научной оригинальности. Разногласия в науке негативно влияют на судебную практику, нередко допускающую неточности при определении формы соучастия. К примеру, соучастие с распределением ролей порой ошибочно расценивается как группа лиц по предварительному сговору¹.

Трудности возникают и в процессе преподавания курса уголовного права, для большинства студентов изучение вопроса о формах и видах соучастия представляет значительную трудность. Как нам кажется, одна из причин заключается в том, что учению о соучастии не в полной мере удается выполнять объяснительную функцию — интерпретировать нормы о соучастии с учетом их существенных особенностей и способом, доступным пониманию общества. Существует необходимость разработки простой и в то же время удобной классификации соучастия.

Ввиду многочисленности классификаций соучастия, разработанных в доктрине уголовного права, их анализ не представляется возможным без объединения схожих точек зрения по группам. Как правило, классификация соучастия проводится специалистами с опорой на категории «форма соучастия» и «вид соучастия».

Под формой традиционно понимается внешнее выражение деятельности соучастников, под видом — внутреннее. Однако некоторые ученые не используют понятие «виды соучастия», выделяя только формы, на основании сразу двух критериев — объективного (способ взаимодействия соучастников) и субъективного (степень согласованности их действий), то есть содержание категории «вид соучастия» включается в содержание категории «форма соучастия». В последнем случае обычно выделяется четыре формы соучастия, закрепленные в ст. 35 УК РФ (далее по тексту — УК): группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)².

Подобный подход вызывает сомнения, поскольку оставляет за бортом соучастие с распределением ролей, предусмотренное ст. 33 УК. По нашему мнению, классификация соучастия должна носить исчерпывающий характер, предоставлять юристу все варианты соучастия, возможные на практике. Кроме того, отказ от категории «вид соучастия» противоречит сложившейся в науке уголовного права традиции, когда в категориальном аппарате термины «форма» и «вид» дополняют друг друга, полнее раскрывая нормы института соучастия.

Использование терминов «форма» и «вид» соучастия носит условный, «конвенциональный» характер, оно основано на соглашении между учеными, а не на прямом указании закона (в УК подобные термины не упоминаются). Однако отдельные специалисты не

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 ноября 2012 г. № 9-Д12-16 // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 5.

² Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 260—261; Кочои С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части. М., 2010. С. 81—82; Уголовное право России. Общая часть / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. С. 295 (автор главы — А. Н. Попов).

придерживаются общей линии, называя преступные группы, предусмотренные ст. 35 УК, видами соучастия³.

Среди советских криминалистов виды соучастия также выделялись не всеми. Например, П. Ф. Тельнов и М. А. Шнейдер ограничивались делением соучастия на формы⁴. К сожалению, предложенная ими классификация утратила свое значение в связи с изменением уголовного закона.

Рядом общих черт обладают классификации соучастия, разработанные Ф. М. Абубакировым, Р. Р. Галиакбаровым, Л. Д. Гаухманом и Л. Д. Ермаковой. Среди форм соучастия данные специалисты выделяют, в частности:

- 1) соучастие с распределением ролей («сложное соучастие»);
- 2) соисполительство (охватывающее группу лиц и группу лиц по предварительному сговору);
- 3) организованную группу;
- 4) преступное сообщество⁵.

Соисполительство в качестве формы соучастия также выделялось М. И. Ковалёвым (под названием «совиновничество»)⁶.

Как нам думается, предложенное указанными авторами объединение группы лиц и группы лиц по предварительному сговору в одну форму соучастия («соисполительство») вряд ли возможно, поскольку между ними есть существенное юридическое отличие — их преступная деятельность предполагает различную квалификацию. К примеру, грабеж, совершенный группой лиц без предварительного сговора, подлежит квалификации по ч. 1 ст. 161 УК, а совершенный группой лиц по предварительному сговору — по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК. Представляется очевидным, что научная классификация призвана подчеркивать, а не нивелировать

существенные различия между преступными объединениями, предусмотренными УК. В противном случае не достигается одна из главных задач уголовно-правовой теории — способствовать точной юридической оценке преступления.

Наиболее широкое признание со стороны научного сообщества получила классификация соучастия, разработанная В. С. Комиссаровым. По характеру выполнения объективной стороны преступления соучастие делится на два вида — простое (соисполительство) и сложное (соучастие с распределением ролей). По степени согласованности — на четыре формы: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество⁷.

По нашему мнению, данная классификация оставляет без должного внимания тот факт, что соучастие с распределением ролей (именуемое автором «сложным»), может выступать в двух ипостасях — и как самостоятельная конструкция соучастия, и в качестве особой характеристики разделения ролей в рамках организованной группы и преступного сообщества. Получается, что соучастие с распределением ролей выступает в двух совершенно разных качествах. В первом случае оно является одной из типовых конструкций соучастия, отражающейся на квалификации, а значит, «равноправной» с формами соучастия, указанными в ст. 35 УК. Во втором случае оно выступает в качестве одного из вариантов взаимодействия соучастников в рамках таких форм, как организованная группа и преступное сообщество (преступная организация), и не влияет на квалификацию. Кроме того, соучастие с выполнением различных ролей может сосуществовать с иными формами соучастия — группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом.

³ Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 76.

⁴ Советское уголовное право. Часть Общая / под ред. П. И. Гришаева и Б. В. Здравомыслова. М., 1982. С. 231—235 ; Советское уголовное право. Часть Общая / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1964. С. 200—203.

⁵ Абубакиров Ф. М. Актуальные проблемы применения Общей части уголовного права. Хабаровск, 2005. С. 141—142 ; Галиакбаров Р. Р. Формы соучастия // Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб., 2007. С. 248—311 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008. С. 272 (автор главы — Л. Д. Ермакова) ; Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова. М., 2009. С. 183.

⁶ См.: Ковалёв М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 190—191.

⁷ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 2010. С. 217—218 (автор главы — В. С. Комиссаров) ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 111 ; Шатов С. А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012. С. 112.

Последнюю ситуацию можно проиллюстрировать следующим примером. Пособник однократно оказывает содействие организованной группе в совершении кражи (предоставляет информацию). Среди членов организованной группы непосредственно объективную сторону кражи выполняют не все — кто-то похищает, кто-то сбывает краденое, кто-то подыскивает новые объекты для посягательств. Пособник действует в рамках соучастия с распределением ролей (его действия квалифицируются со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК), которое присоединяется к организованной группе, в рамках которой, в свою очередь, есть распределение ролей (которое не влияет на квалификацию, поскольку осуществляется внутри одной из форм соучастия). Итоговая квалификация действий пособника в данном случае будет выглядеть следующим образом: ч. 5 ст. 33, п. «а» ч. 4 ст. 158 УК — пособничество в краже, совершенной организованной группой.

В связи с вышесказанным возникает вопрос: чем целесообразнее считать соучастие с выполнением различных ролей — видом или формой соучастия? На наш взгляд, при ответе на данный вопрос необходимо исходить из того, что критерием деления явлений на формы должно выступать их наиболее существенное свойство. Деление на виды следует производить на основании второстепенных критериев, причем в рамках отдельных форм.

Наиболее важно значение соучастия применительно к квалификации. Как видно из приведенного примера, выступая в первом своем качестве, соучастие с распределением ролей обладает способностью оказывать влияние на квалификацию. Поэтому его целесообразнее отнести к формам соучастия. Безусловно, и во втором качестве соучастие с распределением ролей будет иметь уголовно-правовое значение, однако оно будет носить второстепенный характер — конкретная роль члена организованной группы будет учитываться при назначении ему наказания на основании ст. 67 УК. Таким образом, соучастие с распределением ролей нельзя считать только лишь видом соучастия, оно заслуживает статуса формы соучастия.

В. В. Соболев классифицирует соучастие, по характеру общественной опасности, на следующие формы:

- 1) соучастие с распределением ролей;
- 2) соисполнительство в составе группы;
- 3) организованная преступная деятельность.

К видам соучастия относятся:

- 1) исполнительские функции;
- 2) организаторские и подстрекательские действия;
- 3) пособничество;
- 4) группа лиц без предварительного сговора;
- 5) группа лиц по предварительному сговору;
- 6) организованная группа. Организованная преступная деятельность, по мнению указанного автора, может функционировать только в одном виде — преступном сообществе (преступной организации). При этом под организованной преступной деятельностью понимается система деяний преступных сообществ, банд и объединений организованных групп по совершению преступлений⁸.

Позиция В. В. Соболева уязвима для критики. Во-первых, формы и виды соучастия выделены на основе одного и того же критерия (роли соучастника), что неприемлемо для научной классификации. Во-вторых, классификация основывается на смешении юридических и криминологических признаков. Термин «организованная преступная деятельность» обозначает социальный, а не юридический феномен и поэтому представляется криминологическим (социологическим). Не случайно преступная деятельность в учебниках по криминологии рассматривается как один из криминологических признаков организованной преступности⁹. Наука уголовного права исследует юридические нормы, а не криминальное поведение как социальное явление. Поскольку соучастие — понятие юридическое; давая его классификацию, необходимо использовать критерии, предусмотренные уголовным законом. В противном случае подобная смешанная социально-юридическая классификация окажется бесполезной для юриста, так как криминологические признаки (а следовательно, и выделенные на их основе варианты соуча-

⁸ Соболев В. В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 99—101, 154.

⁹ Криминология / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 502—504 (автор главы — А. И. Долгова) ; Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 296.

ствия) не могут служить основанием для квалификации и их нельзя положить в основу правоприменительных актов. Как нам думается, использование криминологических признаков в процессе применения уголовно-правовых норм будет означать нарушение принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК): «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом».

В-третьих, виды соучастия частично совпадают с видами соучастников. Как нам думается, давая классификацию соучастия, виды соучастников целесообразнее оставить в стороне. В первую очередь потому, что разделение соучастия на формы и виды преследует цель уголовно-правовой оценки преступления в целом, в то время как классификация соучастников по видам имеет иную задачу — оценку роли конкретного лица. Иными словами, форма и вид соучастия показывают место конкретного преступления среди всех преступлений, предусмотренных Особенной частью УК (с точки зрения уровня общественной опасности), а вид соучастника — его место в рамках одного конкретного преступления (его персональный уровень опасности). Именно по этой причине в уголовном законе виды соучастников и формы соучастия выделены в самостоятельные нормы (ст. 33 и 35 УК). Кроме того, понятие «виды соучастия» устоялось в научном обороте, смешение видов соучастников с видами соучастия породит терминологическую путаницу.

Наконец, еще один аргумент против отождествления видов соучастников с видами соучастия — отсутствие практической полезности. Подобная классификация не позволяет решить задачу разграничения групповых преступных образований друг от друга, поскольку с точки зрения видов соучастников формы соучастия практически не различаются. Каждой форме может быть свойственно наличие соучастников различных видов. Даже в группе лиц без предварительного сговора, где на первый взгляд участвуют только исполнители преступления (что следует из буквального толкования ч. 1 ст. 35 УК), на самом деле одно и то же лицо может выполнять несколько функ-

ций, совмещать несколько ролей. В процессе совершения преступления нередко один из соисполнителей берет на себя руководящие (организаторские) функции и выполняет две роли одновременно — исполнителя и организатора, что не раз отмечалось в литературе¹⁰. Таким образом, отождествление видов соучастников с видами соучастия лишено теоретического и практического смысла.

Среди разработанных в последние годы заслуживает упоминания классификация соучастия, предложенная С. В. Петровым. Данный специалист полагает, что «вид соучастия является теоретической категорией, не обладающей самостоятельным существованием, которая может быть классифицирована по двум основаниям», а форма соучастия — это «конкретное соединение отдельных признаков, посредством которых соучастие обретает реальное существование»¹¹.

К числу видов соучастия им отнесены:

- 1) простое (без распределения ролей);
- 2) сложное (с распределением ролей);
- 3) соучастие особого рода (преступное сообщество, предусмотренное Общей и Особенной частью УК);
- 4) с предварительным сговором;
- 5) без предварительного сговора.

Форм выделяется четыре:

- 1) группа лиц;
- 2) группа лиц по предварительному сговору;
- 3) организованная группа;
- 4) преступное сообщество.

Как нам думается, данная классификация не лишена недостатков, к числу которых необходимо отнести логическую противоречивость и пересечение классификационных рядов (частичное совпадение друг с другом групп, полученных в результате классификации). Противоречивость проистекает из того обстоятельства, что научная категория сама по себе (вид соучастия) не может быть предметом классификации (как предлагает С. В. Петров), предметом классификации может быть только явление — соучастие в преступлении. Классификация есть деление предметной области на группы. Научная категория (термин) не может быть подвергнут классификации, поскольку тер-

¹⁰ Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 347 ; Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010. С. 220.

¹¹ Петров С. В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. Н. Новгород, 2013. С. 80.

мин — это «однозначное слово, фиксирующее определенное понятие науки... введение которого обусловлено необходимостью точного и однозначного фиксирования данных науки»¹². Кроме того, как возможно классифицировать то, что «не обладает самостоятельным существованием»?

Далее, нельзя не упомянуть одну фактическую неточность — соучастие с распределением ролей, которое здесь рассматривается как не обладающее самостоятельным существованием (вид соучастия), в судебной практике существует вполне самостоятельно, например в виде группы из исполнителя и организатора, совершившей единичное преступление.

Наконец, возникает вопрос, почему преступное сообщество относится и к числу форм соучастия, и к числу видов соучастия? Одно и то же явление входит одновременно в две классификационные группы, что противоречит правилам научной классификации (образует пересечение классификационных рядов). По вышеуказанным причинам рассматриваемая классификация не может быть использована ни для практического применения норм уголовного закона, ни для теоретического их познания.

С целью устранения недостатков, свойственных проанализированным выше концепциям, мы считаем необходимым разработать новую классификацию соучастия по формам и видам.

Для начала представляется целесообразным определиться с содержанием категории «форма соучастия». В доктрине советского периода форма соучастия понималась как «внешняя сторона, различающаяся по способу соединения деяний двух или более лиц в единое посягательство, то есть по способу взаимодействия виновных... главное в нем — распределение ролей и стойкость объединения виновных»¹³. Близкую позицию ныне занимает ВС РФ, в определении по одному из уголовных дел указавший, что «в ст. 35 УК РФ предусмотрены... формы совершения групповых преступлений, подлежащих квалификации как соисполнительство: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество

(преступная организация), которые отличаются между собой по степени сплоченности, внутренней организованности, способам связи соучастников внутри системы»¹⁴.

Как видно из приведенного разъяснения, в практике и теории форма соучастия рассматривается похожим образом — через особенности взаимодействия соучастников, специфику внутренней структуры группы, что не вызывает возражений. Вместе с тем очевидно, что высшая судебная инстанция упускает из виду соучастие с распределением ролей, выделявшееся в качестве самостоятельной формы соучастия еще в советский период (под наименованием «соучастие с исполнением разных ролей»)¹⁵.

В философской литературе классификация определяется как система делений, произведенных с точки зрения характеристик, существенных для решения теоретических или практических задач¹⁶. Основная задача, стоящая перед наукой уголовного права, — способствовать правильному применению норм уголовного закона, то есть уголовно-правовой оценке конкретного преступления и лица, его совершившего. В первую очередь правильная уголовно-правовая оценка деяния предполагает точную квалификацию преступления. В этой связи в качестве основного критерия классификации соучастия необходимо использовать особенности (правила) квалификации, предусмотренные законом для той или иной формы преступного объединения.

Кроме того, точная уголовно-правовая оценка предполагает правильное назначение (индивидуализацию) наказания конкретному соучастнику. Предусмотренные УК варианты соучастия отличаются друг от друга по целому ряду параметров, в частности по свойственным преступным объединениям внутренним связям (субъективным, функциональным, организационным), что обуславливает различный уровень общественной опасности. Именно уровень опасности преступного объединения, в рамках которого действует соучастник, определяет строгость наказания, подлежащего при-

¹² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 565.

¹³ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 231.

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 11-О13-25 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 232—233.

¹⁶ Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. М., 2005. С. 253.

менения к нему. Соответственно, в качестве дополнительного критерия классификации необходимо использовать те признаки преступных групп, которые влияют на уровень их общественной опасности (структура, способы распределения ролей, цели).

Итак, в зависимости от свойственных преступным объединениям внутренних связей, особенностей уголовно-правовой оценки содеянного их членами и уровня общественной опасности мы разделяем соучастие на пять форм (располагая в порядке возрастания опасности):

- 1) соучастие с распределением ролей;
- 2) группа лиц;
- 3) группа лиц по предварительному сговору;
- 4) организованная группа;
- 5) преступное сообщество (преступная организация).

Следует упомянуть, что эти варианты соучастия не всегда существуют в чистом виде, возможна ситуация, когда преступление совершается в результате совместных усилий ряда лиц, действующих в рамках различных форм соучастия. Данный, шестой, случай соучастия представляет собой сочетание формы № 1 с любой другой — № 2—5 (как в приведенном выше примере, когда действия пособника, совершенные в рамках соучастия с распределения ролей, присоединились к действиям организованной группы).

В научной литературе указанная ситуация иногда рассматривается как самостоятельный вид соучастия. По мнению А. П. Козлова, соучастие подразделяется на такие виды, как соисполнительство, соучастие с распределением ролей и «смешанное соучастие» (смесь первых двух видов). К формам соучастия относятся элементарное соучастие (с выполнением различных ролей), группа лиц без предварительного сговора, группа заранее договорившихся лиц, организованная группа и преступное сообщество¹⁷.

Как нам думается, выделение «смешанного соучастия» в качестве отдельного вида соучастия небесспорно. Дело в том, что при наличии в одном преступлении соисполнительства и соучастия с выполнением различных ролей соответствующие юридические конструкции не смешиваются в нечто новое, а сосуществуют, полностью сохраняя все свои юридические

свойства. Никаких особых правил квалификации для таких случаев закон не предусматривает. При уголовно-правовой оценке действий конкретного лица применяются правила, адресованные одной из пяти форм соучастия. Поэтому мы считаем, что «смешанное соучастие» не заслуживает статуса самостоятельной формы или вида соучастия.

По нашему мнению, категории «формы соучастия» необходимо дать следующее определение: это предусмотренные Общей частью УК варианты соучастия, которые различаются по способам взаимодействия соучастников и внутренней структуре группы, имеют основополагающий характер, являясь базовыми технико-юридическими конструкциями, используемыми законодателем для создания уголовно-правовых норм Особенной части УК, служат индикатором степени общественной опасности конкретного преступления, характеризуются специальными правилами квалификации и оказывают влияние на индивидуализацию наказания.

Таким образом, первое значение форм соучастия заключается в том, что с их помощью законодатель дифференцирует ответственность, создавая составы преступлений, отличающиеся по уровню общественной опасности. В частности, усеченные составы, возводящие отдельные разновидности преступного сговора в ранг оконченных преступлений «особого рода» (например, ч. 1 ст. 205.4 УК — создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности), а также квалифицированные составы, предусматривающие повышенную уголовную ответственность в случае совершения преступлений группой лиц (например, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК — убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой).

Второе практическое значение форм соучастия заключается в том, что они, как правило, учитываются правоприменителем при квалификации. Надо сказать, правила квалификации преступлений, совершенных в рамках соучастия, относятся к числу проблемных вопросов уголовно-правовой науки. Квалификация соучастия вызывает сложности как при изучении, так и при практическом применении уголовно-

¹⁷ Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 199—282.

правовых норм. Верховный Суд РФ разъясняет вопросы квалификации только применительно к соучастию в преступлениях конкретных видов (незаконная охота, взяточничество и т.д.)¹⁸, поэтому не все юристы отчетливо представляют себе общие правила квалификации соучастия.

Трудности связаны также с тем, что особенности юридической оценки действий соучастников не получили должного освещения в учебной литературе. В учебниках по уголовному праву о том, как отражается специфика конкретной формы соучастия на квалификации, речь зачастую не идет¹⁹. В тех работах, где данному вопросу все же уделяется внимание, как правило, освещаются не все правила. К примеру, разъясняется квалификация соучастия с распределением ролей, создания и руководства организованной группой, но умалчивается об общем правиле квалификации содеянного членами организованных групп и преступных сообществ²⁰.

Уголовно-правовая оценка содеянного конкретным лицом зависит в первую очередь от формы соучастия, в которой совершено преступление. Проанализируем, каким образом форма соучастия оказывает влияние на квалификацию преступления. При соучастии в форме № 1 квалификация происходит по норме Особенной части УК со ссылкой на часть ст. 33 УК, в которой предусмотрена выполненная лицом роль, если это роль организатора, подстрекателя или пособника. Содеянное исполнителем никогда не требует ссылки на ст. 33 УК, даже в рамках первой формы соучастия.

Такой подход продиктован особенностями конструкции состава преступления, совершенного в соучастии. При квалификации содеянного исполнителем достаточно сослаться на норму Особенной части УК, поскольку исполнитель непосредственно выполняет деяние, описанное в диспозиции. Такие соучастники, как организатор, подстрекатель и пособник, играющие вспомогательные роли (данный термин был предложен в одной из наших работ),

не выполняют объективную сторону преступления, указанную в диспозиции статьи Особенной части УК. Поэтому для обоснования их ответственности необходимо дополнительно ссылаться на конкретную часть ст. 33 УК, где описываются объективные признаки состава совершенного ими преступления.

При квалификации соучастия в формах № 2—5 ссылка на ст. 33 УК не требуется, какую бы роль ни выполнял конкретный соучастник, поскольку члены соответствующих преступных образований или фактически являются соисполнителями, или юридически презюмируются таковыми. Верховный Суд РФ считает целесообразным квалифицировать действия всех членов организованных групп и преступных сообществ как действия исполнителей, без ссылки на ст. 33 УК. К примеру, «в случае признания получения взятки... организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этих преступлений, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по соответствующей части статьи 290... УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ»²¹. Приведенное правило не следует из буквального толкования норм УК, оно было разработано и внедрено в практику высшей судебной инстанцией.

Как нам думается, рассматриваемая позиция ВС РФ продиктована представлением о том, что с учетом устойчивости и высокой степени совместности организованной группы и преступного сообщества любую выполняемую в них функцию необходимо приравнять к роли наиболее опасного, по мнению суда, вида соучастника — исполнителя преступления. Считая, что оценку лиц, играющих «вспомогательные роли», необходимо усилить до роли исполнителя, ВС РФ внедрил практику квалификации всех лиц, совершивших преступление в составе организованной группы либо преступного сообщества, как исполнителей преступления.

¹⁸ См., например: п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «ГАРАНТ».

¹⁹ Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н. М. Кропачёва, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 553—611.

²⁰ Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. С. 204—206.

²¹ Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». П. 16 // СПС «ГАРАНТ».

Приведенная точка зрения высшей судебной инстанции не лишена теоретических и практических недостатков. Во-первых, она основана на посылке, что исполнитель является самым опасным среди соучастников. Между тем этот тезис далеко не бесспорный. Советская высшая судебная инстанция еще в 40-е гг. XX в. пришла к выводу, что «организаторы и инициаторы преступления должны нести повышенную ответственность по сравнению с другими участниками преступления»²².

Во-вторых, нередко одинаковая квалификация действий соучастников различных видов имеет своим следствием назначение им равного наказания, не учитывающего характер их участия в преступлении. Представляется, что одним из путей преодоления подобной «уравниловки», когда руководители преступления отвечают наравне с рядовыми исполнителями, может служить введение новых правил квалификация содеянного членами организованных групп и преступных сообществ. Так, например, действия члена организованной группы, руководившего совершением конкретного преступления, обладают повышенной опасностью по сравнению с действиями рядовых исполнителей, и квалификация содеянного со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК позволила бы подчеркнуть данный факт. Тем самым будет создана предпосылка к тому, чтобы суд при назначении наказания учел характер участия лица в совершении преступления, что предписано в ч. 1 ст. 67 УК.

Итак, при квалификации преступлений, совершенных в формах соучастия № 2—5, необходимо учитывать различный уровень общественной опасности соучастников разных видов. На наш взгляд, наибольшим уровнем общественной опасности обладают организаторы преступления, на втором месте располагаются подстрекатели, на третьем — исполнители, а на четвертом — пособники. С целью изменения сложившегося на сегодняшний день порядка квалификации представляется целесообразным ввести в УК императивную норму об обязательной ссылке на соответствующую часть ст. 33 во всех случаях уголовно-правовой оценки действий соучастников, кроме лиц, действия которых заключались только лишь в непосредственном выполнении объективной стороны состава преступления (исполнителей в чистом виде).

Часть 2 ст. 34 УК предлагается изложить в следующей редакции: «Соисполнитель отвечает по статье Особенной части настоящего Кодекса за преступление, совершенное им, без ссылки на статью 33 настоящего Кодекса. В случае если соисполнитель также является организатором либо подстрекателем преступления, он отвечает по статье Особенной части настоящего Кодекса за преступление, совершенное им, со ссылкой на части статьи 33 настоящего Кодекса, предусматривающие выполненные им роли». Обратим внимание, что предлагаемая редакция нормы целенаправленно умалчивает о случаях, когда соисполнитель является еще и пособником, поскольку такое сочетание ролей не оказывает существенного влияния на уровень общественной опасности конкретного соучастника. Выполнение более опасной роли исполнителя делает излишним указание на существенно менее опасную роль пособника.

Норму ч. 3 ст. 34 УК потребуется согласовать с приведенной выше новеллой, для чего ее необходимо изложить в новой редакции: «Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника, не являющегося исполнителем, наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на часть статьи 33 настоящего Кодекса, предусматривающую выполненную им роль». Предложенная редакция ч. 3 ст. 34 УК сохраняет сложившееся на сегодняшний день правило квалификации соучастия с распределением ролей.

Как было отмечено выше, уголовно-правовое значение формы соучастия не ограничивается квалификацией преступления. Форма соучастия является показателем потенциальной эффективности преступного объединения в достижении общего результата посредством умышленных совместных действий соучастников. Поэтому формы соучастия обладают различным уровнем общественной опасности, а следовательно, их точное определение является необходимым условием справедливой индивидуализации наказания.

Норма ч. 1 ст. 67 УК требует учесть при назначении наказания конкретному соучастнику преступления «характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления,

²² Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938—1978 гг. / сост. С. В. Бородин, Г. А. Левицкий. М., 1980. С. 53.

его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда». Как нам думается, прежде, чем оценивать весомость вклада конкретного соучастника в совместно совершенное преступление, нужно выяснить уровень общественной опасности преступления в целом. Одним из показателей уровня опасности преступления может служить форма соучастия.

Интересным в этой связи представляется разъяснение, содержащееся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»²³: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)».

Из приведенного разъяснения видно, что высшая судебная инстанция относит вид (роль) соучастника к числу обстоятельств, характеризующих степень общественной опасности преступления. В то же время форма соучастия не упоминается ни среди обстоятельств, определяющих характер общественной опасности, ни среди обстоятельств, определяющих степень общественной опасности. Между тем разница в уровне общественной опасности различных форм соучастия очевидна хотя бы потому, что в нормах Особенной части УК законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от конкретной формы соучастия (например, разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, квалифицируется по ч. 2 ст. 162 УК, а совершенный организованной группой — по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК). Принцип справедливости (ст. 6 УК) требует назначения

наказания с учетом опасности преступления и обстоятельств его совершения, что возлагает на правоприменителя обязанность учесть различный уровень опасности форм соучастия при назначении наказания.

Как нам представляется, Верховному Суду РФ целесообразно принять во внимание тот факт, что форма соучастия отражает уровень опасности преступления в целом, имеет значение для оценки содеянного всеми соучастниками преступления, а не только конкретным лицом и, следовательно, является индикатором характера общественной опасности преступления.

Для практической реализации данного теоретического положения возможно изложить п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58 в новой редакции, включающей следующую формулировку: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления, в том числе формы соучастия (ст. 35 УК РФ)».

Как уже было отмечено, формы соучастия имеют значение не только для применения норм уголовного права, но и для законотворчества: на их основе законодателем конструируются специфические варианты соучастия в рамках Особенной части УК (к примеру, на основе организованной группы построена норма ст. 209 «Бандитизм» УК). Подобные нормы Особенной части УК мы рассматриваем как виды соучастия.

В литературе по философии подчеркивается, что перед классификацией стоит задача систематизировать конкретную область знания таким образом, чтобы способствовать достижению цели упрощенного ориентирования в соответствующей предметной области в науке и практической деятельности²⁴. Применяемое нами последовательное двухступенчатое деление соучастия на формы и виды представляется наиболее удобным для исчерпывающей систематизации всех возможных случаев совместной преступной деятельности.

Виды соучастия, выделяемые в рамках одной формы, обладают как общими признаками (отраженными в понятии соответствующей формы), так и отличительными признаками (из которых складывается понятие конкретного вида

²³ СПС «ГАРАНТ».

²⁴ См.: *Философская энциклопедия* / гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1962. Т. 2. С. 523; *Новосёлов М. М. Классификация* // *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 247.

соучастия, предусмотренного нормой Особенной части УК). Иными словами, категории «форма» и «вид» соотносятся как род и вид.

По нашему мнению, организованная группа имеет следующие разновидности:

- 1) террористическая организация (ст. 205.5 УК);
- 2) незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК);
- 3) банда (ст. 209 УК);
- 4) некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан (ст. 239 УК);
- 5) экстремистская организация (ст. 282.2 УК).

Видами преступного сообщества являются:

- 1) террористическое сообщество (ст. 205.4 УК);
- 2) структурированная организованная группа (ч. 1 ст. 210 УК);
- 3) объединение организованных групп (ч. 1 ст. 210 УК);
- 4) собрание организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп (ч. 1 ст. 210 УК);
- 5) экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК).

Надо сказать, что в теории уголовного права нет единства в вопросе о том, распространяются ли нормы о формах соучастия, закрепленные в ст. 35 УК, на предусмотренные Особенной частью УК случаи необходимого соучастия, предполагающие создание так называемого «сложного субъекта преступления» (обозначенные нами как виды соучастия). Часть исследователей положительно отвечает на данный вопрос, признавая, что признаки форм соучастия, указанные в Общей части УК, распространяются также и на Особенную часть²⁵.

Другие специалисты придерживаются противоположной позиции и отказываются признавать взаимосвязь между нормами института соучастия, закрепленными в Общей части УК, и преступными образованиями, предусмотренными в отдельных нормах Особенной части УК. По их мнению, данные преступные группы обладают совокупностью свойственных только им признаков и к институту соучастия в преступлении не относятся²⁶.

Мы полагаем, что есть все основания распространять предписания норм гл. 7 «Соучастие в преступлении» УК на отдельные виды соучастия, поскольку все предусмотренные Особенной частью состава преступлений, предполагающие их совершение при участии нескольких лиц, подпадают под общие признаки, закрепленные в легальной дефиниции соучастия (ст. 32 УК): «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». В судебной практике групповые преступления также рассматриваются только через призму института соучастия. В частности, разъясняя особенности квалификации хищений, совершенных организованной группой, Пленум ВС РФ прямо сослался на общие нормы института соучастия, указав, что преступление признается совершенным организованной группой «в случаях, когда в ней участвовала устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (часть третья статьи 35 УК РФ)»²⁷. Соответственно, преступные объединения, предусмотренные ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 239, 282.1, 282.2 УК, можно обоснованно рассматривать как виды отдельных форм соучастия.

Подводя итоги, выразим надежду, что разработанная нами классификация соучастия по формам и видам будет способствовать дальнейшей разработке учения о соучастии и окажется полезна в образовательном и правоприменительном процессе. Как нам представляется, в целях обеспечения единства судебной практики научному сообществу целесообразно произвести доработку существующей учебной литературы, более подробно осветив вопросы квалификации и назначения наказания в зависимости от формы соучастия. Верховный Суд РФ также мог бы внести свою лепту в формирование единой образной практики по делам о соучастии, обобщив практику и уточнив собственную позицию в специальном постановлении Пленума, посвященном толкованию норм института соучастия.

²⁵ См.: Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М., 2006. С. 62; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. М., 2010. С. 110; Наумов С. Н. Оценочные признаки соучастия в преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 121.

²⁶ См.: Малиновский В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика). М., 2009. С. 14—15; Михайлов В. Банда: форма соучастия или сговор? // Уголовное право. 2004. № 3. С. 54.

²⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». П. 15 // СПС «ГАРАНТ».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абубакиров Ф. М. Актуальные проблемы применения Общей части уголовного права. — Хабаровск, 2005.
2. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. — М., 2013.
3. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. — М., 2006.
4. Бородин С. В. Преступления против жизни. — СПб., 2003.
5. Галиакбаров Р. Р. Формы соучастия // Энциклопедия уголовного права. — СПб., 2007. — Т. 6 : Соучастие в преступлении.
6. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. — М., 2010.
7. Ковалёв М. И. Соучастие в преступлении. — Екатеринбург, 1999.
8. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. — СПб., 2001.
9. Малиновский В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика). — М., 2009.
10. Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. — СПб., 2000.
11. Михайлов В. Банда: форма соучастия или сговор? // Уголовное право. — 2004. — № 3.
12. Петров С. В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. — Н. Новгород, 2013.
13. Шатов С. А. Соучастие в преступлении. — СПб., 2012.

Материал поступил в редакцию 27 февраля 2015 г.

CLASSIFICATION OF CONSPIRACY: FORMS, TYPES, MEANING FOR CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF A CRIME

KLIMENKO Yuri Aleksandrovich — PhD in Law, Lecturer at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

yuriiklim@yandex.ru

123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9.

Review. *The article deals with the classification of conspiracy according to its forms and types as well as its criminal legal meaning. The author considers the main standpoints on the issues of conspiracy classification developed in the science of criminal law. The paper elicits criteria used within the doctrine and in the judicial practice for classifying conspiracy according to its forms. It also formulates the definitions of "forms of conspiracy". The author researches the norms of the concept of conspiracy according to the Russian legislation and suggests his own classification according to forms and types of all possible participation in a crime. There are five forms of conspiracy as stated by the Criminal Code of the Russian Federation:*

- 1) *conspiracy with roles allocation;*
- 2) *group of persons;*
- 3) *group of persons by prior collusion;*
- 4) *organized group;*
- 5) *criminal society (criminal organization).*

Ten types of conspiracy enshrined in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation are also outlined. There are five types of organized group:

- 1) *terrorist organization (art. 2055 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 2) *illegal armed group (art. 208 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 3) *gang (art. 209 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 4) *non-profit organization offending a person and citizens rights (art. 239 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 5) *extremist organization (art. 2822 Criminal Code of the Russian Federation).*

The five types of criminal society are:

- 1) *terrorist society (art. 2054 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 2) *structured organized group (part 1 art. 210 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 3) *association of organized groups (part 1 art. 210 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 4) *gathering of organizers, heads (leaders) or any other representatives of organized groups (part 1 art. 210 Criminal Code of the Russian Federation);*
- 5) *extremist association (art. 2821 Criminal Code of the Russian Federation).*

The author considers the norms of criminal law, related to classification of conspiracy, and judicial practice of their application. The article also researches the interpretations of courts of higher instance related to imposition of punishment in conspiracy cases. The conducted analysis covers the meaning of the author's classification for the criminal and legal assessment of a crime, including classification of crimes committed by conspiracy, and for imposition of punishment for crimes committed by conspiracy. The author suggests some changes into the Criminal Code of the Russian Federation which aim at clarifying the classification of group crimes. Some suggestions on improvement of the Supreme Court of the Russian Federation commentaries related to interpretation of norms for imposition of punishment for group crimes are made in order to provide just individualization of accomplices punishment.

Keywords: *conspiracy; classification of conspiracy; forms of conspiracy; types of conspiracy; types of accomplices; group of persons; organized group; criminal society; criminal and legal assessment; classification of crimes; imposition of punishment; nature of public danger; level of public danger; concept of conspiracy.*

BIBLIOGRAPHY

1. Abubakirov F. M. Current issues of application of the General part of the criminal law. Khabarovsk, 2005.
2. Arutyunov A. A. Complicity in a crime. Moscow, 2013.
3. Borzenkov G. N. Classification of crimes against life and body. Moscow, 2006.
4. Borodin S. V. Crimes against life. St. Petersburg, 2003.
5. Galiakberov R. R. Forms of conspiracy // Encyclopedia of criminal law. Vol. 6. Complicity in a crime. St. Petersburg, 2007.
6. Gaukhman L. D. Classification of crimes: law, theory, practice. Moscow, 2010.
7. Kovalev M. I. Complicity in a crime. Ekaterinburg, 1999.
8. Kozlov A. P. Conspiracy: traditions and reality. St. Petersburg, 2001.
9. Malinovskii V. V. Organizational activities in Russian criminal law (types and characteristics). Moscow, 2009.
10. Milyukov S. F. Russian criminal legislation: critical analysis track record. St. Petersburg, 2000.
11. Mikhailov V. A gang: form of complicity or conspiracy? // Criminal law, 2004. No. 3.
12. Petrov S. V. Criminal society as a form of conspiracy: problems of theory and practice. Nizhny Novgorod, 2013.
13. Shatov S. A. Complicity in a crime. St. Petersburg, 2012.